

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

© 1990 г.

М. В. Крюков

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ (Заметки на полях книги «Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма». М., 1989 *)

Последние два с половиной десятилетия были в истории советской этнографической науки периодом интенсивной разработки понятия «этническое самосознание» и его места среди основных признаков этноса. В 60-х годах было сформулировано принципиально важное положение о сущности этнического самосознания, тогда встречавшее у многих решительные возражения, а ныне прочно вошедшее в нашу теорию этноса: «Можно наметить целый ряд признаков, являющихся весьма существенными при характеристике этнической общности... Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельных лиц и целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности... Самосознание это, как правило, связывается с определенным названием этнической общности, хорошо известным каждому, кто причисляет себя к этой общности»¹. Знаменательно, что примерно в те же годы к аналогичным выводам пришли некоторые западные этнологи, хотя в целом они уделяют теоретическим проблемам этнических общностей сравнительно мало внимания. Обсуждая вопрос о признаках этноса, поставленный Р. Нэрролом², М. Мёрман считал, в частности, необходимым подчеркнуть, что наиболее надежным (а иногда единственным) основанием для выявления границы между двумя общностями являются этническое самосознание (self-identification) и самоназвания (ethnic labels) этих групп³.

В 70-е годы советскими этнографами был сделан следующий значительный шаг в разработке понятия «этническое самосознание» — обоснован тезис о том, что в силу особого положения этнического самосознания среди всех прочих признаков этноса именно появление отчетливо выраженного самосознания, одним из проявлений чего является возникновение общего самоназвания, знаменует собой завершение процесса этногенеза⁴. Это соображение позднее получило поддержку многих советских этнографов⁵, причем к аналогичным выводам независимо от них пришли некоторые китайские ученые⁶.

В те же годы была сформулирована задача конкретно-исторических исследований процесса эволюции этнического самосознания народов мира, поскольку, как справедливо указывал в 1974 г. В. И. Козлов, «многие связанные с этим процессом вопросы еще недостаточно освещены в научной литературе»⁷. Однако начало осуществления такого рода исследований приходится уже на 80-е годы, когда были опубликованы первые монографические работы по данной проблематике. Особое место среди них занимает серия книг, посвященных закономерностям развития этнического самосознания у славянских народов. Одна из монографий этой серии, хронологически охватывающая

* Ссылки на эту работу даются в тексте статьи с указанием только страниц.

эпоху раннего средневековья⁸, уже получила высокую оценку на страницах журнала «Советская этнография»⁹; недавно увидевшая свет вторая книга — продолжение предыдущей — написана на источниках XI—XIV вв. и, насколько можно понять, предваряет собой последующее исследование этнических процессов у славянских народов Восточной Европы в XV—XVI вв. (с. 318). Именно этой второй книге и посвящены настоящие заметки, поскольку, даже взятая в отдельности, она, без сомнений, представляет весьма заметное явление в нашей историко-этнографической литературе, имеющей отношение к проблемам этнического самосознания народов мира. Значение рецензируемой книги выходит далеко за рамки собственно славяноведческого исследования; целый ряд выдвинутых в ней положений представляет общетеоретический интерес, и потому прочитать ее наверняка будет полезно широкому кругу читателей, интересующихся этнографическими сюжетами. К сожалению, сделать это для многих окажется затруднительным, потому что монография издана ничтожно малым тиражом (всего 1650 экз.).

Как подчеркивается во Введении, авторы исследования основываются на своих прежних методологических принципах подхода к материалу, важнейшим из которых является принцип строжайшего соблюдения историзма при анализе и осмыслении фактов и явлений (с. 7). Реализация этого принципа приобретает особое значение применительно к XII—XIV вв., когда круг источников, позволяющий реконструировать особенности этнического самосознания славянских народов, существенно расширяется по сравнению с предшествующим временем. Применительно к данной эпохе у историка гораздо больше возможностей судить о духовном мире славян, опираясь при этом на свидетельства самих их представителей, нашедшие отражение в деловых документах, агиографических произведениях, дидактических трудах, «памятниках с элементами исторических описаний» (с. 12) и т. д. Вполне закономерно, что при анализе этих источников авторы уделяли особое внимание исследованию этнонимов, так как оно «дает один из наиболее объективных путей к пониманию тех членений (иногда многоступенчатых), которые характерны в определенной степени для коллективного этнического сознания» (с. 9).

В чем же проявляется, говоря в самой общей форме, эволюция этнического самосознания народа? Прежде всего в изменении соотношения его отдельных компонентов. Понятие «компонент этнического самосознания» было введено Г. В. Шелеповым¹⁰; анализ компонентов этнического самосознания целесообразно соотносить с впервые обоснованным В. Ф. Генингом противопоставлением двух основных характеристик этноса — этноформирующих факторов, представляющих собой условия сложения этноса, и собственно этнических признаков, имеющих этнодифференцирующую функцию¹¹.

Примером отражения в этническом самосознании тех или иных этноформирующих факторов может служить представление членов этноса о «родной земле». Подобно тому, как в самосознании русских XII—XIV вв. «русская земля» воплощает идею принадлежности к своей этнической общности¹², в представлениях сербов об объединяющих их узах фигурирует «сербская земля», «вся земля сербская» (с. 100), а у хронистов XII в. убеждение в существовании особого «чешского» народа выступает в неразрывной связи с территорией, которую он заселяет, с «чешской землей» (с. 182) и т. д.

Сложнее обстоит дело с таким компонентом этнического самосознания, как представление о специфичности своего языка, так как язык помимо этого выступает и в качестве реально существующего признака этноса*. Здесь представляется очень важным наблюдение авторов монографии относительно того, что осмысление единства этноса в связи с особенностями употребляемого им языка — новое явление в сознании уз, цементирующих этническую общность, и потому важное изменение в этническом самосознании славянских народов рассматриваемой эпохи. Так, понятие «болгарский язык» стало вытеснять в этом значении «славянский язык» уже в XI—XII вв. (с. 52); зарождение представления о том, что чехи говорят на «чешском языке», относится ко второй половине XII в. (с. 185); первые упоминания о «польском языке» встречаются в польских грамотах начала XIII в. (с. 262), Лэнцицкий синод 1285 г. принял специальные решения, направленные на «сохранение и поддержку польского языка» (с. 264), а в конце XIII—XIV в. этническая общность поляков все чаще обозначается как «люди польского языка» (с. 271).

К сожалению, гораздо меньше внимания авторы монографии уделяют анализу другого признака этноса, также отражающегося в этническом самосознании, — эндогамии этноса¹³. Читателю, не знакомому со всей совокупностью использованных в книге источников, трудно судить о том, чем это

* Не вполне удачной представляется в этой связи формулировка С. В. Чешко: «Как часть этноса язык может быть объектом этнического самосознания» (с. 77).

объясняется: отсутствием соответствующих свидетельств или тем, что авторы не ставили своей целью их специальное рассмотрение. Так или иначе, Е. П. Наумов приводит данные сербских грамот XIV в., зафиксировавшие представление о нежелательности сербо-владшских смешанных браков: «Серб пусть не женится во влахах» (с. 111). С точки зрения противопоставления двух форм эндогамии (абсолютной, нарушение которой влекло за собой жесткие социальные санкции, и спонтанной, предпочтительной, всегда допускавшей некоторое количество исключений из правила)¹⁴ данное свидетельство явно относится ко второму типу, свойственному этносу в отличие, например, от касты. Действительно, стремление этнической общности поддержать свое единство путем преимущественного заключения браков только между ее членами никогда не предполагало наказания нарушителей. Даже если в средневековых документах народа яо в Южном Китае говорится, что за вступление в брак с китайцем взыскивается штраф в размере 3 жбанов квашеных комаров, 300 стволов бамбука без сочленений, 300 гребней из рога собаки и 300 сажень веревки, сплетенной из отрубей¹⁵, то это не более чем символическая угроза, призванная воспрепятствовать нарушению эндогамии этноса, а не реальная санкция за ее несоблюдение. Предписывая сербам не жениться на влахах, составители Дечанской и Баньской грамот также не имели в виду безоговорочный запрет межэтнических браков. Поэтому и в Болгарии XI—XII вв. источники упоминают о влиятельных лицах, появившихся на свет в результате смешанных браков: «полуболгарин-полугрек», «по матери болгарин, по отцу половец», «наполовину серб» и т. д. (с. 65). Наряду с этим мы встречаем высказывания, призванные обосновать необходимость придерживаться этнической эндогамии. В «Песне о войте Алберте» антинемецкие стереотипы поляков проявляются в утверждении, что немцы «куда ни придут... сначала ведут себя покорно, но вскоре выдают своих дочерей замуж, сами женятся на местных и таким путем приобретают связи» (с. 270).

Если представления о родном языке или этнической эндогамии могут рассматриваться как более или менее адекватное отражение реально функционировавших признаков этноса, то такой характерный компонент этнического самосознания, как идея превосходства собственного народа над соседями, не имеет и не может иметь объективных оснований. Показательно, что утверждение идеи о своем народе как «лучшем» происходит лишь на определенном этапе развития этнического самосознания (с. 334), представляя собой его «новый мотив» (с. 62).

Этнический автостереотип, как правило, положителен. Болгары в своих собственных глазах выступают как добрые, «гостеприимные», хранящие правую веру (с. 62); «великий и славнейший сербский народ», с его точки зрения, «не только военными силами превосходит другие народы, и [не только] славой и богатством, и красотой своих мест, и величием, но он украшается и может [также] похвалиться [своими] царями благодетельнейшими и премудрыми» (с. 113); чехи представляют себя воинами, превосходящими представителей других народов своей смелостью и военным искусством (с. 183); «стихийей их,— пишут о себе поляки,— была сила зрелого мужества, кроме великодушия ничего не считали великим, а усилению своей храбрости не ставили никаких границ» (с. 259).

Непосредственно перекликается с сугубо положительным автостереотипом идея «богоизбранности» своего народа. Среди болгар в эпоху византийского господства получила распространение идея особого попечения о них господина через пророка Исайю (с. 334)*, у чехов в XIII в. сформировалась концепция самооценки как «избранного народа», занимающего особое место в христианском мире (с. 187). Сказанное вызывает в памяти уверенность немецкого автора «Хроники Ливонии» в том, что только немцы в отличие от шведов и датчан являются настоящими христианами, хотя и те также принимали участие в крестовых походах¹⁶.

Оборотной стороной положительного автостереотипа были негативные стереотипы в отношении других народов, причем, как справедливо отмечают авторы монографии, эти отрицательные характеристики «чужих» зачастую имели большую силу воздействия, чем позитивные автостереотипы (с. 258). Однако трудно согласиться с выводом о том, что у славянских народов преобладали негативные характеристики неславян (у поляков, чехов и полабских славян — о немцах, у болгар и сербов — о греках). «Имеется,— читаем мы далее,— отрицательные стереотипы друг друга и у славянских народов... Однако в целом эти стереотипы нередко существовали временно, не имели все-таки столь отчетливого пейоративного оттенка, как в отношении неславянских народов, и причина этого, по всей вероятности, в понимании этнического славянского родства» (с. 335).

Представляется, что приводимые в книге данные недостаточны для подобного умозаключения. В самом деле, такое «свойство» иноплеменников, как «бесчеловечность», в равной мере фигурирует

* Напротив, грек Феофилакт утверждал, что болгары «не почитают ни бога, ни человека» (с. 53).

в представлениях как греков о болгарях (с. 47), так и чехов о «различных славянах» (с. 187); коварство и вероломство — немцев о поляках (с. 259) и поляков о чехах (с. 258); жестокость и дикость — греков о болгарях (с. 52) и поляков о русских (с. 259) и т. д. Показательно, что, порицая «кровожадность» русских, автор польской хроники XIII в. с одобрением и даже любованием пишет о жестокостях польского войска во время похода на Русь (с. 259). При этом характеристика своего правителя часто включает указание на любовь к нему со стороны других народов: о царе Иване Асене II болгарские источники сообщают, что «всем он был угоден, не только болгарам, но и ромеям и другим народам» (с. 60) (ср. оценку, данную русским летописцем киевскому князю Рюрику Ростиславичу: его все на Руси приняли с большой радостью — и киевляне, и христиане, и «поганые») ¹⁷. Вообще оценки государственных деятелей почти всегда зависели от этнической точки отсчета. Следует напомнить, например, что литовского князя Скиргайла польские летописцы наделяли самыми отвратительными чертами характера — он был дерзок и жесток, мог совершить любое злодейство, был почти постоянно в нетрезвом виде, и потому окружающие никогда не могли чувствовать себя безопасно в его присутствии; русские же летописи называют его князем чудным и добрым. «Причина такого разноречия ясна, — замечает по этому поводу С. М. Соловьев. — Скиргайло оставался верен православию и потому был любим русским народом» ¹⁸.

Во всяком случае, проанализированные в монографии данные источников убедительно свидетельствуют о неадекватности и тенденциозности тех выводов, к которым пришел в свое время В. В. Мавродин, рассматривая содержащиеся в иноязычных письменных памятниках характеристики русских VI—XII вв. В его изложении стереотипы, отразившиеся в сочинениях Иордана, Прокопия, Маврикия, Менандра, Льва Диакона, Кедрина, Масуди, Ибн-Хордабеха, Ибн-Фадлана, Ибн-Мискавейха, Низами, удивительным образом все без исключения положительны. Рассматривая их как проявления объективно существующих свойств этноса, В. В. Мавродин заключал: «Ярко проявлялись и особенности психического склада русского народа: трудолюбие, мужество, стойкость, выносливость, мудрость, гостеприимство, благожелательность, доброта и свободолюбие, характеризующие русский народ везде, на всех этапах истории нашей Родины» ¹⁹. Какому русскому будет неприятно прочесть о себе такое? Жаль только, что народы противопоставляются друг другу с точки зрения степени их мудрости, доброты и мужества лишь в этнических стереотипах и автостереотипах, основанных на априорном утверждении превосходства «своего» этноса над всеми другими и потому лишенных объективной ценности.

В целом прослеживаемое авторами монографии появление в этническом самосознании славянских народов XII—XIV вв. «новых компонентов (или повышение значения этих компонентов) в иерархии этнических представлений» (с. 347), несомненно, составляет один из главных и наиболее ценных результатов рецензируемого исследования. Но такого рода оценку нельзя распространить, с моей точки зрения, на некоторые другие общетеоретические аспекты этого труда. Среди них — вопрос, над которым невольно задумываешься, переворачивая последнюю страницу книги. Касается он широко известной в настоящее время концепции «этносоциальных общностей».

Речь идет о выдвинутой Ю. В. Бромлеем и разделяемой авторами данного труда идее противопоставления двух значений термина «этническая общность»: узкого («этникос») и широкого («этносоциальный организм», или ЭСО, включающий ту часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования ²⁰). В соответствии с этим в монографии этническое самосознание трактуется как самосознание этносоциального организма, «сознание особенностей своей этносоциальной общности» (с. 68). Однако авторам, на мой взгляд, не удалось продемонстрировать, что разбиваемые ими процессы эволюции самосознания болгар, чехов, сербов, поляков имеют отношение не к «этникосам», а к ЭСО. Более того, представляется, что весь приведенный в книге материал свидетельствует как раз об обратном.

В самом деле, Г. Г. Литаврин убедительно показывает, что «понятие „болгары“ как указание на этническую принадлежность применялось для обозначения не только всего населения государства..., но и вышло за пределы этих границ, распространившись на земли к юго-западу от них» (с. 41). Заслуживает внимания тот факт, что «в перипетиях болгаро-латино-греческой борьбы болгары, не входившие в пределы Болгарского государства, обычно оказывались на стороне своих соотечественников» (с. 60), а объяснить это можно лишь существованием у них общего этнического самосознания. Мы узнаем далее, что в эпоху наивысшего могущества Второго Болгарского царства этническое самосознание действительно «в целом... оставалось... единым у болгар, как подданных царя Болгарии, так и проживавших на недавно утраченных ею землях» (с. 62). Выясняется, что и в последующий период феодальной раздробленности «население отделившихся от Болгарии княжеств продолжало счи-

тать себя болгарами — в источниках оно сплошь и рядом обозначается как «сплеменники» болгар Тырновского царства» (с. 64).

Так, Иван Страцимир, правитель Видина, и его наследник носили титул «царя болгар и греков»; это свидетельствует о том, что этническое самосознание подвластного ему населения не претерпело, конечно, (разрядка моя.— М. К.) существенных перемен, хотя изменилось политическое сознание правящих кругов, лавировавших между Тырновским царством, Королевством Венгрия, Османской империей и Валашским княжеством. Но этнически и сам Стацимир, и его боляре остались истинными болгарами» (с. 64). Что касается этнического самосознания населения Добруджи, то «вряд ли оно заметно изменилось за полвека независимости»; не случайно же в документе, датированном 1374 г., некто Николай, сын Петра, назван «болгарином из Варны» (с. 64—65). О населении долины Марицы в одном из источников сообщается, что «жители, которые были болгарами, переходили на сторону своих сплеменников и избавлялись от ига иноязычников» (с. 65) и т. д.

О том, что самосознание поляков также выходило за пределы государственных границ Польши, можно судить, в частности, на основании документов о территориальных спорах по поводу Гданьского Поморья между Польским королевством и Гевтонским орденом. Во время судебного разбирательства 1339 г. одни из «свидетелей» показал, что князь Владислав Добжинский — поляк, его предки, тоже были поляками, а население Добжинской земли разговаривает на польском языке. Другой выступавший также утверждал, что «один и тот же язык в Поморье и Польше, и все там совместно проживающие говорят по-польски («...представление о языке как самом главном признаке, определяющем принадлежность к народности, выступает в этих показаниях со всей ясностью», — замечает по этому поводу Я. Д. Исаевич (с. 272). Именно уровень этнического самосознания поляков «сыграл важную роль в сохранении народности в неблагоприятных условиях раздробленности» (с. 256). Правда, «польскую народность» автор этой главы определяет как этнососоциальный организм (с. 275), но приведенные выше наблюдения противоречат этому: в условиях государственной раздробленности единого польского ЭСО не существовало и этническое самосознание поляков, о котором идет речь, к государственным границам Польши как пределам функционирования этнососоциального организма отношения не имело.

Не выявив какого-то специфического самосознания этнососоциальной общности, Я. Д. Исаевич в то же время вполне правомерно ставит вопрос о соотношении этнического и политического (государственного) самосознания (с. 276—277). Следует помнить, что этот вопрос в нашей литературе обычно решается односторонне: подчеркивается воздействие факта существования единого государства на формирование этнического самосознания преобладающего этноса страны. С таких позиций подходил к проблеме сложности древнерусского этноса В. В. Мавродин²¹. И лишь недавно вновь было обращено внимание на точку зрения А. И. Козаченко, еще в 50-х годах подчеркнувшего зависимость государственного развития Руси XII—XIII вв. от уровня этнического самосознания²². Теперь правомерность такой постановки вопроса подтверждена на материале исторического развития славянских народов, в процессе которого, в частности, объединение значительной части польских земель под властью королей в XIV в. было бы невозможно без подъема этнического самосознания (с. 276—277).

Если принятый авторами монографии, но не нашедший подтверждения тезис об этническом развитии как трансформации этнососоциальных общностей представляет собой лишь искусственную теоретическую конструкцию, под сомнением оказывается и представление об обязательной формационной принадлежности исторических типов этнососоциальных организмов. «Как известно (разрядка моя.— М. К.), основные этнососоциальные категории имеют формационный характер, — узнаем мы из текста книги, — их последовательная смена определяется в конечном итоге ходом социально-экономического прогресса» (с. 36). Это положение, также пока продолжающее оставаться хрестоматийным, оказалось в монографии декларированным, но не доказанным. В частности, фундаментальный и чрезвычайно ответственный тезис Я. Д. Исаевича о том, что «период феодальной раздробленности явился особым этапом в этнической истории польской народности, поскольку социально-экономические и политические события не могли не отразиться на характере этнического самосознания» (с. 256), не получил достаточного обоснования в той его части, где речь идет о социально-экономических факторах: от того же автора впоследствии мы узнаем, что общепольские процессы в области экономики способствовали лишь «сохранению достигнутого ранее уровня этнического самосознания» (с. 257). Не случайно, предлагая свою периодизацию этнической истории болгар и сербов в XII—XIV вв., Г. Г. Литаврин и Е. П. Наумов оперируют событиями политической истории (с. 36, 94). Более того, даже сама по себе категория «феодальная» раздробленность, в частности, на сербских и хорватских землях в изучаемый период может быть определена как «феодальная» лишь относительно (с. 324). В связи с этим представляется недоста-

точно обоснованным стремление авторов на основе своих наблюдений над эволюцией этнического самосознания славян в XII—XIV вв. сформулировать признаки, позволяющие разграничить «раннефеодальную» и «феодальную народность». Строго говоря, социально-экономическую подоплеку имеет, на мой взгляд, лишь один из этих признаков: самосознание славянских народов стало в описываемый период «гораздо в большей степени, чем ранее, социально (сословно) обусловленным, обладало значительными особенностями внутри каждого социального слоя» (с. 347). Но этот признак находится в явном противоречии с другим, выражающимся в том, что «неизмеримо большими в эпоху развитого феодализма стали прочность и устойчивость феодальной народности» (с. 347—348).

В самом деле, усилившиеся различия в самосознании представителей различных социальных (сословных) групп внутри этнической общности представляли собой фактор, противодействовавший формированию этнического единства всей общности. Развитие социальной структуры феодального общества шло, таким образом, в прямо противоположном направлении по сравнению с тенденцией упрочения самосознания этнических общностей.

Эти соображения вновь возвращают нас к вопросу о том, что периодизация этнической истории должна основываться на специфических критериях, отражающих качественные изменения основных характеристик этноса, а не на выделении эпох социально-экономического развития общества²³. Мною уже высказывалась гипотеза о возможности противопоставления трех исторических типов самосознания этноса²⁴. Первый из них, прослеживаемый на примере этнических общностей древности, исходит из существования лишь двух категорий — «мы» и «варвары», причем к последним относятся все общности, с которыми «мы» имеем дело. Противопоставление «мы» и «варвары» основано на убеждении в существовании качественных различий между ними в сфере врожденных, а не приобретенных особенностей нравственного облика и культуры. Исторически более поздний второй тип этнического самосознания базируется на признании факта этнического многообразия человечества. При этом на первый план в противопоставлении народов выступает совокупность черт культуры, а не общность происхождения. Таким образом, грань, разделяющая «нас» и «их», оказывается преодолимой. Эта идея была выражена еще Исократом: «Имя эллина становится уже обозначением не происхождения, а культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с ними образование, чем людей одного и того же происхождения»²⁵. Аналогичное представление обнаруживается, например, в словах Батгия, обращенных в 1250 г. к Даниилу Галицкому: «Ты уже наш татарин, пей наше питье!»²⁶. И если, усвоив татарские обычаи, отдельный человек может считать себя татарин, то естественно, что любая попытка изменить традиционный культурный уклад этноса, как правило, воспринималась с обостренным чувством обеспокоенности за судьбу своей общности. Так, резко отрицательное отношение поляков к венгерскому королю Людовику, правившему Польшей в 1370—1382 гг., в значительной мере объяснялось тем, что тот «стремился следовать нравам своего народа, затевал перемены польских нравов и обычаев» (с. 275).

Рассматривая особенности этнического самосознания славянских народов, авторы монографии справедливо отмечают, что в XII—XIV вв. «значительно возросла роль, в силу распространения грамотности и появления прослойки образованных людей, фактора культурной общности сравнительно с раннефеодальным периодом» (с. 347). К сожалению, этот вопрос не рассматривается в книге более детально, хотя отдельные приведенные в ней факты действительно свидетельствуют о постепенном формировании представлений, согласно которым человек мог быть представителем того или иного этноса не только в силу своего происхождения. Отсюда такие выражения, как «родом болгарин» (с. 65), «поляки, родившиеся в этой стране и происходящие из польского народа» (с. 271).

Тем не менее в преданиях о происхождении славянских народов еще вполне отчетливо прослеживается стадияльно более ранняя идея их кровного родства. Характерна приводимая в «Великопольской хронике» версия о происхождении поляков, русских и чехов от трех родных братьев, старшим из которых был Лех, вторым — Русс, третьим — Чех (с. 274). Авторы правы, подчеркивая в этой связи, что такого рода этнографические мифы, утверждающие идею родства славянских народов, одновременно служили обоснованием особого положения «своего» народа (в данном случае поляков) на том основании, что его прародитель был старшим братом по отношению к предкам других этносов.

Таким образом, второй тип этнического самосознания, в целом характерный для эпохи средневековья, хотя и не исходил из объединения всех народов, кроме «нашего», в общую категорию «варваров», по тем не менее не знал идеи равенства этнических общностей. Проявлением этого в одних случаях является пережиточно присутствующая в самосознании этноса убежденность в генеалогическом старшинстве по отношению к другим народам, в других — этноцентризм выражается

в подчеркивании центрального положения «своей» этнической территории по сравнению с родственными народами (в хронике Пулкавы, например, всячески акцентируется центральная позиция чехов между южными славянами, с одной стороны, и поляками, русскими и приморскими славянами — с другой). И лишь в новое время формируется третий исторический тип этнического самосознания, основывающийся на признании равенства народов между собой.

В этой связи позволю себе не согласиться в мнении В. И. Козлова, полагающего, что именно в новое время развитие этнического самосознания характеризуется стремлением отодвинуть происхождение своего народа как можно дальше в глубь истории, и найти для него «знаменитых» этнических предков²⁷. Напротив, проявления такого рода — не более чем пережитки предшествующего состояния этнического самосознания, и факты, приводимые в рецензируемой монографии, подтверждают это. Автор польской хроники XIV в. Дзежва ставил своей целью доказать «происхождение польского народа от начала мира» (с. 273) в принципе точно так же, как в средневековых письменных памятниках народа яо утверждается, будто сначала были яо, потом появились китайцы²⁸, примеры такого рода слишком многочисленны, чтобы отрицать их репрезентативность. Поэтому, между прочим, будучи свидетелем все более ожесточенных споров о том, какой из двух народов древнее — узбеки или таджики, армяне или азербайджанцы, невольно задумываешься над тем, что стремление во что бы то ни стало удревнить историю своего народа не имеет ничего общего с подлинной наукой. Гносеологические корни этого явления лежат — увы! — в «досовременном» типе этнического самосознания.

Примечание

¹ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Сов. этнография. 1967. № 4. С. 99.

² Narrol R. On ethnic unit classification // Current Anthropol. 1964. № 5.

³ Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // Amer. Anthropol. 1965. V. 67. P. 1219—1220.

⁴ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976. С. 63; Шервуд Е. А. Некоторые особенности этнических процессов у германских племен в период разложения первобытнообщинных отношений // Проблемы романизации, этногенеза и городского устройства (от античности к средневековью). М., 1977. С. 137—192.

⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 281; Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // Сов. этнография. 1985. № 5. С. 23.

⁶ Гу Сюэцинь. Роль общности психического склада в разграничении этнических общностей // Чжуннань миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 1. С. 103 (на кит. яз.); Сюн Сиюань. Этюды по теории этноса // Материалы IV Всекитайской конференции по теории этноса (препринт). С. 2 (на кит. яз.).

⁷ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Сов. этнография. 1974. № 2. С. 89.

⁸ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

⁹ Исламов Т. М. (рец.) Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья // Сов. этнография. 1984. № 4. С. 157—161.

¹⁰ Шелепов Г. В. Общность происхождения — признак этнической общности // Сов. этнография. 1968. № 4. С. 72.

¹¹ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. С. 23.

¹² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

¹³ Дискуссия о сущности этнической эндогамии, происходившая на страницах нашего журнала лет десять тому назад (Сов. этнография. 1969. № 6; 1970. № 3), возобновилась недавно в связи с публикацией моей статьи об иерархии этнических общностей (Крюков М. В. / Этнос и субэтнос // Расы и народы. Вып. 18. М., 1988. С. 18).

¹⁴ Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Вып. 19. М., 1989.

¹⁵ Ху Циван, Фань Хунгуй. Яо деревни Паньцунь. Пекин, 1983. С. 160 (на кит. яз.).

¹⁶ См. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Рига, 1949. С. 11—12.

¹⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 569.

¹⁸ Там же. Кн. II М., 1960. С. 304.

¹⁹ Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 143.

²⁰ Бромлей Ю. В. Указ. раб. С. 57—80.

²¹ Мавродин В. В. Указ. раб. С. 144.

²² Козаченко А. И. Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского

и белорусского народов//Сов. этнография. 1954. № 2. С. 13 (Ср.: Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 190—191).

²³ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века. М., 1984. С. 6; Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия. С. 24.

²⁴ Крюков М. В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей//Сов. этнография. 1986. № 5. С. 71—75.

²⁵ Исократ. Панегирик//Вестн. древ. истории. 1965. № 4. С. 222.

²⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 174.

²⁷ Козлов В. И. Указ. раб. С. 90.

²⁸ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 264.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Centennial Index: One Hundred Years of the «Journal of American Folklore»/Edited and compiled by Jackson B., Taft M. and Axlerod H. Washington, 1988. 502 p. (Journal of American Folklore. 1988. V. 101. № 402) *

Столетие своего существования «Журнал американского фольклора» (JAF), центральный орган Американского фольклорного общества (АФО), отметил выходом в свет библиографического указателя, отражающего материалы, опубликованные в журнале в 1888—1987 гг. «Журнал американского фольклора» хорошо знаком советским ученым. Характеристика JAF и научной деятельности АФО дана на страницах монографии Л. М. Земляной «Современная американская фольклористика»¹. В XIV томе «Русского фольклора» В. П. Владимиревым был опубликован обзор статей по теме «литература и фольклор»². В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранятся тома журнала за 1894, 1898, 1906, 1908, 1909, 1914, 1915, 1924—1931, 1933, 1938, 1946—1956, 1958—1983, 1985—1989 годы. Ленинградская Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина владеет томами за 1888—1913, 1915—1917, 1946—1952, 1961—1962, 1972, 1974—1975, 1977 годы. В библиотеке Академии наук имеются номера за 1932, 1938—1942, 1951—1952, 1954, 1958, 1960—1970, 1974—1977, 1980—1982 годы.

Рецензируемый библиографический указатель состоит из «Серийного списка» (списка всех опубликованных в журнале статей), «Индекса авторов», «Предметного указателя» и «Указателя заглавий статей». В книге имеются также заметка Б. Джексона и М. Тафта, в которой раскрываются принципы построения библиографии, и статья Э. Нул, В. К. Макнейла и Л. Пифера «Редакторы журнала». Здесь даны краткие биографии и характеристика научной деятельности 17 редакторов «Журнала американского фольклора». Первым редактором JAF был Вильям Вэлс Ньюэлл, один из создателей Американского фольклорного общества. Ньюэлл внес заметный вклад в развитие фольклористики своей страны, прежде всего доказав, что народная культура (устная поэзия, обряды, суеверные представления и т. д.) может и должна стать предметом научного осмысления. Среди редакторов журнала были такие видные этнографы и фольклористы США, как Ф. Боас³, Р. Дорсон и др. В настоящее время журналом руководит Б. Джексон.

«Серийный список» — основная часть библиографии — построен по хронологическому принципу — от 1888 до 1987 г. Каждое библиографическое описание начинается с указания года издания, затем через двоеточие дается порядковый номер статьи, в круглых скобках называется том и выпуск журнала, а также страницы; после названных данных следует фамилия автора и заглавие работы. Пометы «gb», «ga» и «gv» после порядкового номера публикации означают, что она является рецензией соответственно на книгу, грампластинку или видеоматериал. Всего указатель содержит 9655 названий статей, заметок, обзоров, рецензий и объявлений, помещенных на страницах JAF за 100 лет его существования.

Сориентироваться в этом обширном материале помогают «Индекс авторов» и «Предметный указатель», составленные при помощи компьютера. Среди авторов журнала мы найдем имена таких выдающихся ученых, как один из зачинателей американской фольклористики Дж. Кёртин⁴, французский культуролог К. Леви-Строс, один из авторов формулы теории А. Лорд и др. Активно публиковались на страницах JAF создатель знаменитого указателя сказочных сюжетов С. Томпсон⁵, известный исследователь американского фольклора Р. Дорсон⁶, видные сторонники структуралистского направления в изучении народной культуры А. Дандес⁷ и Р. Абрахамс⁸, исследователь фрейдистского толка М. Херсковитц⁹ и др.

Знакомясь с именным указателем, советский читатель то и дело будет встречать фамилии наших соотечественников. Среди авторов JAF был Р. Якобсон (статья, посвященная былинной

* Отдел устного народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР приносит глубокую благодарность американскому фольклористу Дж. Бейли, любезно приславшему в библиотеку отдела рецензируемое библиографическое пособие.